

Л. Е. Элиасов

СУЧАНСКИЙ ПЕСЕННИК

Около 40 лет прошло с тех пор, когда мой учитель профессор Марк Константинович Азадовский посоветовал мне побывать в Сучанской долине, послушать и записать там песни. Перед самой Великой Отечественной войной мне удалось организовать поездку на Дальний Восток, заехать в Сучан, но получилось так, что я в то время ничего не успел сделать.

И вот больше чем через четверть века я снова в Сучане. Теперь уже не один, а с целой группой ученых-фольклористов, исколесивших вместе со мной города и села, поселки и зимовья от Енисея до берегов Тихого океана.

Мы приехали в Сучан в начале июня. Шахтерский город был весь в зелени: казалось, что перед нами сплошной сад, без единого дома, без построек. Высокие терриконы, которые мы увидели потом на окраинах города, издали не были видны. Если бы на юге я стал рассказывать о красоте Сучанской долины, окаймляющей восточную окраину нашей необъятной Сибири, то едва ли мне поверили бы. Надо самому побывать в этом зеленом цветущем крае, чтобы потом можно было его сравнивать со всемирно известными по своей красоте местами.

Нынешнее поколение сучанцев — потомственные горняки, деды и отцы которых открывали и осваивали богатейшие запасы каменного угля в далеком Сучане. Старики и молодежь любят свой город, выхаживают каждое посаженное деревце, следят за каждым цветком. Едва ли можно найти в Сибири такой город, где бы было столь много зелени, так пышно цвели цветы.

И народ здесь особенный: по-дальневосточному своеобразен, словоохотлив, гостеприимен. Вас радушно встретят в каждом доме, всегда напоят и накормят. И немудрено, что именно здесь, «на краю света», так много бытует песен, так любят петь.

По богатству песенного репертуара жители Сучанской долины займут, пожалуй, первое место в Сибири. Тут можно услышать и старую, и новую песню, и такую, которую поют везде, и такую, что только здесь встречается. Сучанские песни самые разнообразные: лирические, бытовые, свадебные, исторические, которые поют только шахтеры, песни, которые распеваются бывшими партизанами и т. д. Разные они не только по содержанию, но и по напеву. Некоторые песни представляют собой смешение русских и украинских, белорусских и польских напевов. Иногда трудно разобраться, на каком языке они поются. Но ясно одно, что эти песни любят сучанцы, они глубоко чувствуют их содержание и охотно исполняют.

Песенный репертуар сучанцев неисчерпаем: чем мы больше слушали, тем нам больше пели. Особенно богат песенный запас шахтеров Сучана, этого города горняков со славными боевыми и трудовыми традициями. Мы познакомились с большой группой сучанцев. Все они одинаково страстно любят народные песни, всех их можно назвать замечательными певцами. Нам пели песни и старые, и молодые шахтеры. Мы слушали их, когда они пели у себя дома по нашей просьбе и когда исполняли песни в клубах, на вечерах художественной самодеятельности. Нам очень нравились голоса певцов в небольших компаниях, собравшихся просто попеть песни¹.

Мне хочется остановиться на носителе песен Сучана — старом шахтере Никите Никифоровиче Зинченко. Мы записывали от него песни в 1969 г., тогда ему шел 82-й год. Впервые он спустился в шахту 60 лет назад. Здесь, в Сучане, он возмужал, здесь он состарился, здесь он собрал огромное количество песен.

¹ См.: Кузьмина Л. П. Песенный репертуар рабочих Сучанской долины. — В кн.: Русский фольклор Сибири. Материалы и исследования, вып. 1. Улан-Удэ, 1971, с. 64—90.

На протяжении больше шести десятков лет он записывал песни, которые слышал от своих товарищей по шахте, от друзей и знакомых шахтеров, от местных жителей-крестьян и рабочих. Он не только изо дня в день заносил в толстую тетрадь все, что слышал, но и заучивал, а потом вместе с другими пел и передавал услышанное тем, кто любил песни. Так формировался его репертуар, а по всей Сучанской долине о нем шла молва как о знатоке и любителе народных песен. Н. Н. Зинченко знал им цену. Любовь к песням он перенял по наследству от своей матери, пяти старших братьев и пяти старших сестер. Вся семья любила песни, пристрастился к ним и юноша Никита. Эту любовь он пронес через всю жизнь. Он радовался каждой вновь услышанной песне и аккуратно заносил ее в тетрадь. Ради песен он стал осваивать грамоту, так как ни одного года ему не пришлось учиться в школе: бедность была такая, что было не до учебы, все заботы сводились к заработку куска хлеба.

О большом собрании песен Никиты Никифоровича мы слыхали, когда были еще во Владивостоке. Но нам сказали, что тетрадь песенника является заветной, и он ее никому не показывает. Знали об этой толстой тетради и в самом Сучане, но тоже ее никто не видел. Говорили нам, что свою тетрадь с песнями он не только нам не даст, но даже не покажет. И каково же было наше удивление, когда вечером, вернувшись из поездки по Сучанскому району, участница фольклорной экспедиции Л. П. Кузьмина показала мне толстую в твердом переплете тетрадь и сказала, что это та самая рукопись, о которой мы так много слышали.

Я быстро просмотрел ее и нашел, что записи действительно уникальны, здесь имеются такие тексты старых песен, которые уже нигде не запишешь. До утра вся тетрадь была просмотрена, так как утром ее нужно было вернуть хозяину. Мы пошли к нему домой. Нас очень любезно встретил пожилой шахтер и его хозяйка. Это довольно бодрый, высокий, с веселым улыбающимся лицом старик. Он пригласил нас в горницу, и мы стали беседовать. Шахтер рассказал нам о себе, о том, как раньше жилось рабочим на

сучанских шахтах, о том, как они вели борьбу с предпринимателями шахт, как шахтеры с оружием в руках в период гражданской войны защищали завоевания молодой Советской республики.

Никита Никифорович с первых дней гражданской войны и вплоть до изгнания с дальневосточной земли белогвардейцев и интервентов воевал в партизанских отрядах. По свидетельству его товарищей, это был храбрый воин, стойкий солдат пролетарской революции, великолепный запевала, заботливый товарищ и верный друг, готовый всегда прийти на помощь.

Много рассказывал Никита Никифорович о том, как «охотился» за песнями всю свою жизнь и как они ему помогали жить. И здесь же он вспомнил несколько песен, которые еще не записал в тетрадь. Исполнение песен затянулось на несколько часов, а репертуару все не было конца. Мы просидели почти целый день, и он все пел и пел. Большая часть песен была новая, хотя за многие годы собирательской работы меня трудно было удивить неизвестными текстами. Во время записи я все время думал о том, что передо мной действительно незаурядный человек, обладающий феноменальной памятью. Он знал наизусть не только десятки текстов, но и помнил мелодии каждой песни, а они не походили друг на друга.

За два дня мне удалось записать от Никиты Никифоровича около 50 песен. Должен заметить, что многие тексты содержали более 10—15 строф. Знал Никита Никифорович наизусть и почти все песни, записанные в тетради. О каждой из них он мог рассказать всю историю, где, когда и по какому случаю ему удалось услышать ее и внести в тетрадь тот или иной вариант.

Объемистое собрание записей открывается песней «Кузнец». Она была очень популярной в дореволюционное время среди русских рабочих как в центральных районах страны, так и на ее окраинах, особенно в Сибири. В записях Н. Н. Зинченко песня «Кузнец» представлена в наиболее полном варианте, который ныне в живом бытовании встречается очень редко. «Песня «Кузнец», — рассказывает Н. Н. Зинченко, — пришла по душе сучанским шахтерам, она исполнялась в каждом удобном случае, несмотря на то, что

царская администрация рудника преследовала носителей песен». Песня «Кузнец», записанная и заученная Н. Н. Зинченко,— единственный полный вариант из всех известных нам текстов данной песни².

Символический образ кузнеца олицетворяет революционные силы бывшей царской России, на него возлагал надежды весь трудовой народ, страдавший от жестокой эксплуатации. Таких песен в толстой тетради Никиты Никифоровича немало. Это те самые песни, которые способствовали воспитанию широких трудящихся масс в духе борьбы с царизмом.

Широко была известна среди сучанских шахтеров и песня «Этот дом многоэтажный», где отражены условия труда большого коллектива рабочих, попавших в кабалу к капиталисту, который выжимал пот и кровь из обездоленных людей. Уже по первым строкам песни можно судить о ее содержании:

Этот дом многоэтажный,
Нам прохожий указал,
Там хозяин толстый, важный,
Нас к машинам привязал.
И выходит, что спасибо,
Боссу жирному тому,
Мы замерзли бы где-либо,
Аль попали бы в тюрьму.

Голодать мы не хотели,
А и совесть продавать,
Вот согнулись и засели,
Черту деньги добывать.
Что и люди, что иголки,
Все богатому доход,
Мы работаем, как пчелки,
А бездельник лижет мед.

Далее в песне поется о том, что существующий мир несправедлив, что необходимо его перестроить, чтобы бедные люди пользовались всеми благами природы так же, как и богатые. Для этого

Нам ведь только сговориться, Да как битва разгорится,
А как встанет весь народ, Враг пощады не найдет.

А пока это время придет, пока рабочий класс собирает свои силы, надо готовить весь народ к предстоящей борьбе. И песня эта служила прекрасным агитационным материалом, так как она с фотографической точностью отражала жизнь рабочих, с которой

² Полный текст песни «Кузнец», записанной от Н. Н. Зинченко, опубликован в названной статье Л. П. Кузьминой, с. 78—79. (см. сноску 1).

нельзя было дальше мириться. Вот еще несколько строк из данной песни:

Вот гудят, гудят машины,
Точно тысячи зверей.
Мы сидим, согнувши спины,
Нам кричат: «Скорей, скорей».
Мы вспотели, мы устали,
А машины надо гнать,
Чтобы боссы не кричали,
Не грозили нас прогнать.
Так проходит день проклятый,
Чаша выпита до дна,
Разогнешь хребет горбатый,
Вся трещит, скрипит спина.

Рук не чувствуешь, замлели,
Ноги, точно в них свинец,
Чтобы боссы околели,
Вы терновый наш венец.
И о боге вы нам лжете,
И пугаете судом,
И законы создаете,
Чтоб вам жить чужим трудом.
Все вы жадные, жестоки,
И бессовестны, лжецы,
В ваших кассах наши соки,
Подлецы, вы, подлецы.

Большой интерес представляют чисто шахтерские песни, пользовавшиеся особой популярностью у сучанских горняков. Трудно сказать, где возникли эти песни, кто их авторы, каким образом они попали в далекий Сучан, да и вряд ли это важно. Главное заключается в том, что в Сучанской долине песни шахтеров пользовались очень большой известностью и жили на протяжении многих десятилетий. Эти песни как нельзя лучше отражали социальное положение шахтеров, они выражали чувства, мысли, настроения рабочих самой тяжелой, но в то же время самой почетной профессии. Одной из самых старинных шахтерских песен Дальнего Востока является песня, известная под названием «Тама есть такая яма». Она содержит обычно четыре строфы. Старые шахтеры знают ее почти все.

От Н. Н. Зинченко записан более полный текст:

У нас есть такая яма,
Преогромная, большая,
Ой ли, да люли,
Преогромная, большая.
Три сажени шириной,
Полтораста глубиной.
Ой ли, да люли,
Полтораста глубиной.
Прощай, Солнце и Луна,
Прощай, милая моя,
Ой ли, да люли,
Прощай, милая моя.

Шахтер рубит, шахтер бьет,
Что заработ, то пропьет.
Ой ли, да люли,
Что заработ, то пропьет.
Шахтер уголь добывает,
Себе жизнь загубляет.
Ой ли, да люли,
Себе жизнь загубляет.
А того шахтер не знает,
Что их люди уважают,
Ой ли, да люли,
Что их люди уважают.

Шахтер первый человек,
Без него погаснет свет,
Ой ли, да люли,
Без него погаснет свет.

Более острый социальный и классовый мотив имеет песня «Шахтер», часто использовавшаяся для пропаганды и агитации. В предреволюционные годы она жила во всех сучанских шахтах, в каждом рабочем коллективе. Поскольку полный текст теперь встречается очень редко, приведем его в той форме, в которой он сохранился до наших дней:

Я всегда изнурен,
Черен вечно лицом,
Чахнут с голоду
Бедные дети.
И заправлены ши
Лишь одним кочаном,
И темно в нашей узенькой
клетки.

И за это за все
Я лишь горе терплю,
Повелось уж видать так
на свете.

Я всегда под землей,
Где нет солнца лучей,
Не вдыхал я давно
Аромата полей.
Меня тянет наверх,
На широкий простор,
Ведь глубоко в земле
Жизнь проводит шахтер.
Мир мой мрачен всегда,
И весной, и зимой,

Я тружусь день и ночь
В шахте темной, сырой,
Света белого в ней я не вижу,
Знать достался удел мне такой.
Лишь рабочий я с внешнего

виду,
Как машина, я вечно кручусь,
Ни покоя, ни отдыха нету,

Весь в поту и в пыли
Я всегда под землей.
Нет труднее моей
Жизни в шахте сырой,
Что ни час, мне грозит
Смерть своею косою.
Кто сироток моих
Приласкает тогда?
Им грозит нищета
И лихая беда.

Станем дружно мы все
Свое счастье искать,
Мы — его кузнецы —
Будем смело ковать.

Другая песня, также бытовавшая в Сучане под названием «Шахтер», проливает свет на старый быт горняков, на их тяжелую долю. Эту песню следует рассматривать как исторический памятник народной поэзии, напоминающий нам о жизни наших дедов и отцов в дореволюционное время. Песня «Шахтер» не блещет поэтическими достоинствами, но она прошла испытание временем и дожила до наших дней. Самый полный вариант этой песни содержит пять четырехстрочных строф:

На улице темно и грязно.
Склонивши голову на грудь,
Идет горемыка несчастный,
Идет горемыка шахтер.
Неделю работал, старался,
В субботу расчет получил.

В воскресенье в кабак
завалился,
Все деньги в момент прокрутил.
Не топила жена три дня хату,
В трубу сильный ветер стучит.
Дитя в колышке³ закрыто.

— Мамаша, дай булки, —
кричит

³ Колышка — зыбка.

— Ой, спи, мое мученье малое,
О, скоро твой папа придет,
Он чаю и сахара купит
И булку тебе принесет.

Вот с шумом раскрылся дверь,
Стоит горемыка в дверях,
Жена залилася слезами
И начала мужа ругать.

Таких бытовых песен среди шахтеров пелось много, они являются подлинной летописью социального положения рабочего класса бывшей царской России. Об этом лишней раз свидетельствует небольшая песня сучанцев, появившаяся в начале века среди рабочих, прибывших на Дальний Восток из Горловки. Против носителей этой песни сучанский предприниматель В. Н. Френц в 1907 г. пытался возбудить судебное дело. Самым распространенным вариантом считался такой:

На земле привольной,
Стоит рудник знаменит,
А в нем горняк голодный
Роет уголь-антрацит.
А кому же он роет, братцы?
Френцу — богачу!
Эх, ты жизнь моя шальная,

Безнадежная тоска,
На кого ж мы робим, други?
На Ференца-подлеца.
Френца пашенку не пашет,
В руку косу не берет,
Только уголь добывает
По три шкуры с нас дерет.

В других вариантах вместо «Френцу — богачу» поется «Френцу — палачу». Имелись и другие редакции песен, суть которых сводилась к тому, что указывался конкретный виновник тяжелого положения рабочих.

Значительной известностью пользовалась у сучанцев и сатирическая плясовая песенка, где с иронией говорится, что шахтеры — первые люди у царя:

Шахтеры, шахтеры —
Первые люди у царя.
Шахтер пашеньку не пашет,
Молоток в руки берет.
Только водочки напьется,
Под землю ход ведет.

Я не пьяница, не вор,
Я молоденький шахтер.
Под землю дни и ночи,
Любить нету больше мочи.
Первы люди у царя,
Жизню губят свою зря.

Среди сучанских шахтеров бытовали песни, отражавшие положение не только рабочих фабрик и заводов, рудников и золотых приисков, но и крестьян, их нужды и заботы, их стремление найти выход из несчастной крестьянской доли. Такие песни, как в зеркале, отражали бесправие крестьян в деревне, их взаимоотношение с барнином и кулаком, с теми, кто выжимал последние соки из мужика. Но не только этим заслужили крестьянские песни популярность среди шахтеров. В основном они пелись, потому что

многие обездоленные крестьяне приходили на шахты из деревни. Судьба крестьян, оставшихся в порабощении у барина или кулака, была близка судьбе тех, кто решил попытать свое счастье в городе, на шахте, на заводе, в мастерской.

Вчерашние крестьяне, ставшие рабочими, приносили с собой новые песни и пополняли песенный репертуар пролетариата. Характерна в этом отношении песня «Батраки», получившая весьма широкое распространение в шахтерской среде. Надо сказать, что она производила большое впечатление на старых потомственных рабочих, и они ее воспринимали как революционную песню, призывавшую весь трудовой народ к борьбе против социальной несправедливости, против самодержавно-крепостнического строя. Песня «Батраки» по своей идейной направленности перекликается с песней «Кузнец», о которой уже говорилось. Начинается песня с общей характеристики положения крестьян:

Мы, крестьяне, мужики,
Люди темные,
Оттого мы батраки
Да никчемные.
Знаем, зоренька встает,
Поднимаемся,
А, как солнышко взойдет,
Возвращаемся.

Знаем, ниве отдавать
Наши силушки,
Так чтоб отдыха не знать
До могилушки.
Мы ведь каторжным трудом
Занимаемся,
А и жить то не живем,
Только маемся.

В последующих строфах очень ярко раскрывается картина бесправной жизни крестьян, которых не считают за людей, над которыми издеваются царская администрация, чиновники, купцы, офицеры, земское начальство. «Нас и грабят, нас и бьют управители, и покоя не дают разорители». Страшное бедствие приносила в крестьянский дом война, отбиравшая нередко последнего кормильца. Тысячи проклятий посылали крестьяне тем, кто затевал войну ради обогащения капиталистов и помещиков.

В песнях крестьяне не выступают как безропотные люди, готовые смириться со всем. Вначале они осуждают социальное неравенство, в самой резкой форме высказывают свою ненависть ко всему, что унижает достоинство человека, а затем совершенно прямо призывают к борьбе с угнетателями. Заканчивается пес-

ня «Батраки» следующими строками:

Не пора ли нам понять
Их глумленья,
И от господ не ждать
Избавленья.
Соберемся мужики
Недовольные,
Горемыки, бедняки
Подневольные.
Если кто-нибудь из нас
Там останется,
Так уж деткам в добрый час
Все достанется.

Чем страдать нам да кормить
Управителей,
Надо встать да разгромить
Разорителей.
Во столицу богачей
Как отправимся,
С главарями палачей
И расправимся.
А за то уж кто придет
Победителем,
Тот навеки прослывет
Избавителем.

Вместе со многими шахтерами Сучана Никита Никифорович в годы борьбы с царизмом, в частности в дни бурных демонстраций первой русской революции 1905 г., не боясь жандармов, приставов и полицейских, в полный голос с товарищами пел:

Знамя красное уж вьется.
Выше, братцы, поднимайте,
Клич призывный раздается,
Эй, ряды, тесней смыкайтесь.
И по улицам широким,
Как волна могучих волн,
Шагаем мы живым потоком
Все смелее, все вперед.

Возвестим всему народу
Песней звонкою своей
Мы грядущую свободу,
Зарю новых, светлых дней.
Дней без слез и без страданья,
Без господ и без рабов,
Дней, когда взамен тиранства
Будет братство и любовь.

Помнит Никита Никифорович, как звучали слова этой песни и в 1912 г., когда шахтеры Сучана узнали о Ленском расстреле. До сих пор хорошо помнит и те дни, когда перед самой первой мировой войной охраняемые казаки разгоняли рабочую стачку, где исполнялась эта песня, наводившая страх на царских сатрапов.

Врезалась на всю жизнь в память Никиты Никифоровича песня «Родина кровью залита», которую пели перед Октябрьской революцией. В ней выражены гнев и ненависть к тем, кто залил кровью родину во время карательных экспедиций Ранненкампа и Меллер-Закомельского. Песня в те годы звучала как клятва, как призыв к мщению:

Родина кровью залита,
Трупы гниют по полям,
Вечная память убитым,
Вечный позор палачам.
Слушайте все, кто убийцы,
Я вам проклятье шлю,

Стоя у братской могилы
Павших в неравном бою.
Умерли, вас проклиная,
Тысячи славных борцов.
Память сынам завещали
Мстить за погибших отцов.

«Никогда мне не забыть «Песнь борьбы», — вспоминает Никита Никифорович, — которую пели мы во время стачек и манифестаций». Словно магнит, эта песня притягивала к себе все новых и новых певцов, они становились в колонны и шагали вместе с закаленными борцами революции. Кто пел эту песню в те годы, тот ее никогда не забудет.

Не время склоняться с улыбкой покорной
Пред глупо миражной капризной судьбой,
Прекрасно все то, что работой упорной
И силой добыто в столетях борьбы.
Блажен, кто с прекрасным и праведным флагом,
Как солнце сверкающим флагом труда,
Идет непреклонно вперед шаг за шагом,
И с этой стези не свернет никуда.

Заканчивается песня призывом к бесстрашной борьбе за свободу:

Вперед, пролетарий, вперед без сомненья,
И тот, кто страшится священной борьбы,
Мы бросим с улыбкою полной презренья:
— С дороги, рабы!

Несколько десятков таких песен из репертуара Н. Н. Зинченко дают полное представление о духовной жизни сучанских шахтеров в годы борьбы с царизмом. Некоторые из этих песен, несомненно, литературного происхождения, но они пришлись по душе рабочим далекой окраины России и потому были взяты на вооружение. Многие из них стали подлинно народными, получили массовое распространение, приобрели множество вариантов. Все это свидетельствует о том, что песни входили в активный арсенал средств политической борьбы рабочего класса.

В устном репертуаре народа мы находим песни, содержание которых направлено против тех, кто наживался на бедствиях войны, на крови невинных жертв простого народа. Подобных песен в Сибири бытовало очень много, и наиболее популярные из них вошли в собрание Н. Н. Зинченко. Все эти песни были очень популярны как в рабочей, так и в крестьянской среде, они выражали ненависть к самодержавию, проклинали ненавистный народу царский трон и тот прогнивший строй, который душил свободу простого человека.

Вот два характерных наиболее известных варианта из антивоенных песен периода первой мировой войны, занимавших большое место в общем песенном репертуаре Никиты Никифоровича. Песня под названием «Жертвы войны» начинается словами проклятия в адрес тех, кто ее затеял. Бессмысленность империалистической войны, поется в песне, осуждается всем народом. Многочисленные жертвы ее ничем не оправданы. Причина всего этого — несправедливость народа. Об этом прямо поется в каждой строфе песни:

Покорные дети несправной земли,
Что дружно сражались и в поле легли.
И кто вас оплакал, и кто вас отпел?
Лишь ветер, что ночью в степи прошумел
Над горами ваших изрубленных тел.
Покорные дети несправной земли,
Кому свою жизнь вы в дар принесли?
Вы отдали мирные годы труда
Не тем ли, кто вас не жалел никогда,
Кто в рабстве голодном держал вас всегда.
Покорные дети несправной земли,
Затем ли вы в жертву себя принесли,
Чтоб враг ваших братьев рабочих, тиран,
Чье имя бесстыдство, и ложь, и обман,
Стал деспотом новых захваченных стран.
Покорные дети несправной земли,
На верную смерть вас враги привели.
И в рабстве оставшийся брат ваш народ,
И ваших могил никто не найдет,
И только еще раз лишь ветер вздохнет.
Покорные братья несправной земли,
Что словно колосья на ниве легли,
Вас купно оплакал и вместе отпел
Лишь ветер, что ночью в степи пролетел
Над горами ваших изрубленных тел.

В другой песне — «Виннику войны» — поется о том, что преступники не должны уйти от расправы, карающая рука народа должна строго наказать виновников, затеявших кровавую бойню:

Кто безумный злодей,
Что затеял войну,
За убитых людей
Я тебя прокляну.

Вот придет день суда,
И за кровь, и за плач
Ты ответишь тогда,
Кровожадный палач.

Ты, прикинув челом,
Дашь трусливый ответ,
Что отчизне мечом
Стал грозить твой сосед.

Озверевший в борьбе,
Возмущенный народ
Не поверит тебе
И на казнь поведет.

Лишь тогда ты поймешь,
Что нельзя убивать,
Что за жадность и ложь,
Звал ты кровь проливать.
Но увы, и тогда
Не поймешь до конца,

Никогда, никогда,
Сам не сбросишь венца.
А венец твой тот меч,
Что над нами висит,
Снимут голову с плеч,
И венец твой слетит.

Кто бы ни был злодей,
Черный демон всех стран,
За убитых людей
Будь ты проклят, тиран.

Надо отметить, что песни первой мировой войны, получившие широкое распространение в народе, проникнуты духом интернационализма, русские солдаты, рабочие и крестьяне находили глубокое сочувствие у своих братьев за рубежом.

Наряду с песнями-проклятиями бытовало значительное количество песен, где воспевалось стремление народа к свободе, к счастью, где прославлялись чудесные картины родной природы, патриотизм людей труда, героизм русских солдат и полководцев, отстаивающих честь и независимость родины. Эти песни воспитывали в народе чувство гордости и ответственности за судьбу родной земли.

В жизни, где большая часть людей была неграмотной, трудно переоценить роль песни. Она служила острым оружием борьбы в деле социального преобразования государства. Огромная организующая роль песен подтверждается многочисленными свидетельствами участников массового освободительного движения рабочих и крестьян. Вспомним факты истории, когда борцы революции перед своей смертью оставляли на стенках карцеров и тюремных казематов строки из песен, призывавших не складывать оружия против врагов трудящихся. Вспомним многочисленные листовки и прокламации, маевки и демонстрации, которые не обходились без песен борьбы и свободы. Подобных песен в собрании Никиты Никифоровича Зинченко много — это живая летопись борьбы и труда сучанских горняков.

Значительное количество страниц в толстой тетради отведено новым советским песням, возникшим в ходе борьбы за Советы, в годы социалистического строительства и в суровые дни войны с гитлеровскими полчищами. Особенно привлекали наше внимание

песни периода борьбы с интервентами и белогвардейцами, сочиненные местными партизанами, с которыми наш песенник провел долгие годы нелегкой жизни, участвовал вместе с ними ни в одном десятке боев с вооруженными до зубов врагами великих завоеваний Октября.

Песни сопутствуют истории, они являются свидетелями многих фактов, которые не сохранили ни архивы, ни книги. Живой носитель песни, воспринявший ее в час рождения, чувствует каждую строку по-своему, она и через много лет восстанавливает в его памяти события давно минувших дней. Вот перед нами песни партизан-дальневосточников. Здесь и скорбь о безвременно погибшем друге, и рассказ о подвиге неизвестного партизана, спасшего ни в чем не повинных женщин и детей, загнанных японцами и белогвардейцами в пустые сараи для лютой казни; можно встретить песни, прославляющие первые шаги Советской власти, песни, разоблачающие происки империалистических держав, песни-агитки, призывающие ликвидировать неграмотность; песни, пропагандирующие равноправие женщин.

Преимущество записей Н. Н. Зинченко заключается в том, что его варианты текстов наиболее полные. И это вполне понятно: они записывались в тот период, когда возникали. То, что помнит Никита Никифорович, как уже говорилось, широко бытовало, оно живет и теперь как воспоминание ветеранов борьбы с царизмом, ветеранов борьбы с интервентами и белогвардейцами в период гражданской войны, участников сражений с фашистами в годы Великой Отечественной войны, и тех, кто своими руками возводил фабрики и заводы в трудные годы первых пятилеток. К Никите Никифоровичу и до сих пор обращаются как к песеннику, который в любую минуту может подсказать забытые слова из того или иного текста.

Живой носитель песенной культуры оказывает большое влияние на подрастающее поколение шахтеров Сучанской долины, он прививает любовь к родным песням, прославляющим завоевания Великой Октябрьской социалистической революции, воздающим должное вождю мирового пролетариата В. И. Ленину. «Мы с Лениным шли заодно, мы с Лениным

вместе шагали», говорится в одной из любимых песен Н. Н. Зинченко, которую он поет вот уже более 40 лет. Эта песня возникла на одной из сучанских шахт в дни скорби после смерти великого Ленина.

Новые песни сучанских шахтеров, рожденные эпохой социалистического строительства, по своему содержанию прямо противоположны старым. Наиболее известна песня «Это Ленин нам дорожку проложил»:

В чистом полюшке дороженька видна,
Вся проторена до желтого песка.
Жизнь хорошая, как солнышко, ясна.
Не вернутся к нам ни горе, ни тоска.
По-над речкой расстилается туман,
Росы чистые упали на траву.
Я надену свой бордовый сарафан,
Я малины — красной ягоды нарву.
Молодая да веселая пройду.
Не вернутся к нам ни горе, ни беда,
Я своей работой — славою горжусь:
Я ударница шахтерского труда.
В чистом полюшке дороженька легла,
Словно светлая, большая полоса,
Рассветлым-светла дороженька светла,
И ведет она к победам-чудесам.
Кто шахтерскую дорогу проложил,
Кто рабочему дорожку проторил?
Это Ленин нам дорожку проложил,
Это Ленин нам дорожку проторил.
Мы на светлой на дороженьке стоим,
Мы за счастье и за жизнь благодарим,
Словно зелень после первого дождя,
Мы растем и продвигаемся вперед.
И за это для великого вождя
Наша слава, наши песни, наш почет.

Мы расстались с Никитой Никифоровичем Зинченко близкими друзьями. Вместе со своей женой Ульяной Никитовной он проводил нас до самых ворот, а затем сказал как-то виновато:

— Посмотрели бы вы мой сад, пошто это я раньше не догадался.

Сад действительно чудесный. Яблоневого и сливовые деревья свидетельствовали о том, что за ними ухаживает человек, любящий красоту природы. И это вполне естественно: такой человек, как Никита Никифорович, не может не любить все прекрасное в жизни. Недаром старый друг Никиты Никифоровича назвал его сучанским рапсодом.

ринные и современные песни. Одна из них посвящена В. И. Ленину.

Прекрасны начальные слова песни: «Что за Ленин это, что за мудрый, что за ласковый с народом был» — простые, искренние, по-человечески добрые и сердечные¹¹. Дальнейший текст, лишенный развернутого сюжета, менее выразителен, более плакатен, «холодном», останавливает внимание слушателей на самом важном, что связано с именем Ленина — государственного деятеля: это свержение царизма, в боях за воеванное «право на ученье, отдых и на труд», право на счастливую, радостную жизнь.

ПЕСНЯ О ЛЕНИНЕ

Что за Ленин это, что за мудрый,
Что за ласковый с народом был,
Поднял народ на штурм царизма
И путь к свободе осветил.

Ленин план создал России верный.
По плану реки все покорены,
Зажжены лампочки Ильичевы,
Во всех углах нашей страны.

Ленин дал народу право
На ученье, отдых и на труд.
Мы даем ему спасибо
За его за мысли и за труд.

Ленин — друг простых народов мира.
По ученью Ленина свободы добивайтесь.
Под знамена Ленина тесней,
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!¹²

В тексте песни нет анахронизмов, рифмы в нем лишь слегка намечены. Но когда вслушиваешься в спокойную, размеренную мелодию в дорийском светлом миноре, окруженную такими же неторопливыми подголосками, когда вглядываешься в одухотворенные лица певцов, то забываешь о недостатках текста, о несоблюдении поэтических правил. Песня звучит торжественно, стройно, искренне.

¹¹ В семейской старинной свадебной песне «Развевайся, ты береза» есть строки — «Что за парень, что за бравый, что за ласковый такой», которые несомненно послужили отправной точкой при сочинении текста песни о Ленине; сходства в напеве нет.

¹² Фольклор семейских, с. 355, 491. Песня записана в 1961 г., нотирована Н. И. Дорофеевым.

МАССА НЕТТО 420 Г

ФАРШ 420 РУБ/КГ

Масса нетто: 420 г.

МАССА НЕТТО 420 г.